

Три дня спустя плач в Линъяне затих, стал прерывистым и бессильным. У кого ещё оставались силы рыдать — те сорвали голоса, а глаза их высохли, не способные выдавить ни слезы. Те же, кому не суждено было плакать, истекли кровью, и она смешалась со слезами родных.

Отчаяние, гуще низких туч, нависло над некогда цветущей столицей царства Ся. На центральной улице Чжуцюэ, что пролегла от южных ворот к северным, повсюду громоздились тела. Багровая кровь давно залила мостовую, смешавшись с крепким вином и кипящим маслом, покрыла каждую плиту. Засушливая земля жадно впитала влагу, но не оживила редкие поблёкшие травинки у дороги — те словно сгнили, пропитавшись ею.

Эти жухлые стебли, вместе с обессилевшими живыми и разлагающейся плотью мёртвых, источали тяжёлый запах смерти. Этот смрад, смешавшись с гнилостным духом, заполонившим весь город, почти полностью перебил даже винный перегар, что ещё витал кое-где, — сделал его ничтожным.

Цэнь Цзибай, подвешенный на башне южных ворот Наньдин, уже трое суток взирал на эту жуткую картину. Три дня и три ночи, связанный верёвками, болтаясь на городской стене, он думал, что вот-вот умрёт. Наконец-то умрёт.

Своей смерти он ждал давно. Со дня кончины прежнего правителя... нет, пожалуй, с ещё более давних пор. Такова была его и царства Ся неизбежная судьба — прийти к концу.

Царство Ся, доставшееся ему от отца, было прогнившим до самой сердцевины. В правительстве не было преданных сановников, на границах — достойных полководцев, казна пустовала, а в закромах народа не водилось лишнего зерна.

Большая часть гражданских чинов находилась под властью клана Чжоу. Военные из семьи Линь, хоть и хранили верность трону, были прикованы к беспокойным северным рубежам: Линь Сюнь в одиночку держал оборону, метаясь между северо-востоком и северо-западом. Участвовать в делах столичной администрации ему было недосуг. Позже, когда влияние Чжоу пошатнулось, добрая половина аппарата управления опустела. Воспользовавшись этим, старший брат Цэнь Цзибая, Цэнь Цюхэ, поднял мятеж, а на границы хлынули северные кочевники.

Цэнь Цзибай подавил внутреннюю смуту и отбил внешнюю угрозу, но территория Ся изрядно обеднела. Затем на северные земли обрушилась засуха, а южные затопили паводки. Канцлер Цзэн Сысе скончался, надорвавшись от трудов. А в прошлом году северные ди и царство Юй сговорились поделить между собой земли Ся. Цэнь Цзибай вновь возглавил поход на юг, а великий маршал Линь Сюнь остался оборонять север.

Но как вести войну без солдат, доспехов, денег и провианта? Он выжал из Ся все соки, выиграв одно сражение два года назад, затем другое... А теперь его воины, измождённые и исхудавшие, с трудом поднимали оружие.

Линь Сюнь пал на севере. Сам же Цэнь Цзибай отступил в Линъян.

Он был последним правителем, виновником падения царства, и жители города питали к нему глубочайшее отвращение. Его единственной полезной функцией было преклонить колени за стенами и сдаться, даруя горожанам жизнь.

Но и в этом последнем деле он потерпел крах.

Три дня он наблюдал за резнёй в городе, и его давно окаменевшее сердце внезапно вновь

сжалось от боли. Такому, как он, уже не подобало чувствовать боль. Когда умер Линь Цзинь, сама способность ощущать её покинула его.

Он и не подозревал, что на самом деле любил этого изуродованного хромца — любил до глубины души.

Линь Цзинь ушёл, унеся с собой все его сомнения, колебания, последние крупички человечности. Казни сановников, убийство номинального деда, братоубийство, матереубийство... всё это он вершил с окаменелым и яростным сердцем.

А в это время великий генерал царства Юй, Юй Цунъюн, восседая на вороном боевом коне, взирал на Цэнь Цзибая, подвешенного на башне ворот Наньдин, и на лице его играла жестокая, торжествующая усмешка.

— Канцлер Вань, победа в этой битве — по праву ваша заслуга! — обратился он к спутнику.

Пожилой мужчина лет пятидесяти за его спиной, услышав это, смутился и попытался сложить руки в почтительном жесте, но, будучи чиновником-гражданским, и без того с трудом держался в седле, вцепившись в уздечку и луку. Он застыл, боясь пошевелиться, и лишь захихикал:

— Куда уж мне... Генерал шутит. Этот малолетка Цэнь Цзибай жесток и бессердечен, даже родичей по материнской линии истребил. Я же, старик, лишь счастлив, что правитель Юй и вы, генерал, соизволили оценить мои скромные усилия, дабы обезопасить семью свою.

Вождь северных ди лишь презрительно хмыкнул:

— Пошли, пошли. Вонница тут стоит.

Юй Цунъюн сморщил нос и отдал приказ. Тотчас же в город полетели сотни факелов. Вспыхнувшее зарево озарило всё вокруг, и генерал вновь бросил уничижительный взгляд на грязного, обезображенного Цэнь Цзибая на стене. Натянул тетиву — и стрела помчалась, нацеленная прямо в него. Затем Юй Цунъюн развернул коня и повёл объединённые силы двух царств на юг.

Сжечь столицу Ся — было лишь актом мести. Но как делить захваченные земли с северными ди — ещё предстояло обсудить. Эти вскормленные в седле разбойники вознамерились осесть в центральных землях — смехотворно. Впрочем, если оставить уцелевших жителей Ся в рабстве у ди, те, возможно, и самим пахать не станут. Так что, пожалуй, их желание осесть здесь может и осуществиться. А царству Юй отныне предстоит соседствовать с этими жадными до чужого бандитами — тут и впрямь есть над чем поразмыслить.

Позади них уцелевшие жители Ся высыпали на улицы, отчаянно ломясь в медные ворота. Но ворота были заперты снаружи, да к тому же раскалились от бушующего пламени, словно сковорода. Обезумевшая толпа вновь взревела, хватая всё, что попадалось под руку, и колотя в раскалённый металл, но огонь стремительно пожирал всё вокруг, и люди один за другим вспыхивали живыми факелами.

Весь город поглотило море огня.

Пламя добралось и до башни. Верёвки перегорели, и тело Цэнь Цзибая рухнуло вниз, на улицу Чжуцюэ, где его мгновенно охватило пламя.

Цэнь Цзибай полагал, что со смертью всё и завершится. Когда стрела Юй Цунъюна вонзилась в него, он даже ощутил некое облегчение. После долгого подвешивания он уже почти не чувствовал боли. Но, зная меткость Юй Цунъюна, сомнений не было — тот выстрел должен был убить его. Почему же тогда он, хоть тело его и упало, всё ещё витал здесь? Неужели даже смерть не принесла ему освобождения...

Нет. Почему? За что?

За что его так карают? За что!

Он ведь не бездействовал. Он старался, он строил планы — но всё было тщетно. Стихийные бедствия, людское коварство, предательства... Всё обрушивалось неожиданно, всё заставало врасплох. И вот Небо вознамерилось покарать его? Ха! Неужели то, что он претерпел, — ещё не кара? Небо слепо. Слепо!

Давно забытая ярость внезапно нахлынула, затопила его. Жгучая обида, ненависть, гнев — всё это пылало в нём вместе с окружающим огнём. Он отчаянно рвался вырваться, бежать прочь из этого города, принёсшего ему столько позора и мук, — но в следующий миг прекратил тщетные попытки.

Даже если бы он и вырвался — куда ему идти?

Идти было некуда.

Когда канцлер Вань Юйвэнь уговаривал его сдаться, многие стояли на коленях у ворот королевского дворца, умоляя юного правителя Ся открыть ворота. Юй Цунъюн обещал не трогать простой народ, не грабить добро.

Цэнь Цзибай, словно в тумане, прошёл по улице Чжуцюэ к воротам Наньдин, чтобы преподнести за пределами стен государственную печать. После чего Юй Цунъюн приказал подвесить его на городской стене, дабы он воочию наблюдал, как воины Юй и северные ди врываюся в Линъян, убивая, насилуя и грабя.

— Я, конечно, давал обещание, — холодно бросил Юй Цунъюн, глядя на него, — но мои воины такого обещания не давали. Когда ты убивал моего сына, думал ли о нынешнем дне?

Цэнь Цзибай усмехнулся, попытался что-то сказать, но не смог выдать ни звука. Юй Цунъюн жаждал видеть его отчаяние, его муки, его полную опустошённость, но Цэнь Цзибай не мог дать ему ничего, кроме оцепенения. Таким, в этом оцепенении, он и провёл три дня.

Он появился на свет, уже лишившись матери. Прежний правитель отдал его на воспитание бездетной госпоже Чжоу. Госпожа Чжоу была красоты неземной и много лет пользовалась неизменной благосклонностью правителя, но, возможно, из-за чрезмерного употребления благовоний, так и не смогла зачать. Цэнь Цзибай не ведал о своём происхождении и почитал её как родную мать, а её отца и братьев — как истинную семью. Но, видно, из-за отсутствия кровных уз, а может, и по причине его покойной матери, госпожа Чжоу всегда относилась к нему со строгостью и даже злобой.

Её положение пошатнулось, когда благосклонность правителя перехватил сын канцлера Сун, Сун Чжияо. Вот тогда-то она и вспомнила о своём номинальном сыне.

В мире существовало тайное снадобье, способное обратить ян в инь. Мужчина, принявший его, мог зачать дитя. Рецепт был создан несколько столетий назад неким лекарем для своего

возлюбленного. Благодаря этому снадобью в царстве Ся дозволялись браки меж мужчинами. Однако принимать его требовалось три года подряд, и в течение этого срока тело мужчины претерпевало изменения, требуя особого покоя и ухода. Но даже по истечении трёх лет зачать удавалось крайне редко. К тому же, поскольку мужское тело не приспособлено для родов, приходилось прибегать к разрезу живота и извлечению младенца.

<http://bllate.org/book/15933/1423788>